

Литература:

1. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Киргизия, 1990. 480 с. 19
2. Абу Убейда. Иносказание Корана. Египет, 1962. 346 с. 22
م 1962، رصم، يم يثلا ى نثالم ن ب قديب ع وبأ
3. *Акматалиев А.* (жалпы ред.) Киргиз тилинин түшүндүрмө сөздүгү. Экинчи бөлүк. Бишкек: Полиграфбумресурсы, 2019. 799 б. – Толковый словарь киргизского языка. Часть II. Б.: Полиграфбумресурсы, 2019. 799 с. 18
4. *Араева Л.А., Керексибесова У.В.* Особенности разноязычного общения в селе Кош-Агач Республики Алтай // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 269-276. 20
5. Величайшее богатство народа. Интересные факты о киргизском языке. – URL: <https://media-center.kg/ru/news/Velichayshee-bogatstvo-naroda-Interesnie-fakti-o-kirgizskom-yazike-783641519> (Дата обращения 20.09.2024). 14
6. История возникновения и развития киргизского языка.- URL: <https://word-house.ru/yazyki-perevoda/kirgizskiy-yazyk/istoriya-vozniknoveniya-i-razvitiya-kirgizskogo-yazyka/> (Дата обращения 20.09.2024) 16
7. *Тагаев М. Д., Борчиева Б. Т.* Культурно-языковые архетипы национальной ментальности как регулятивы социального поведения личности // Вестник Киргизско-Российского Славянского университета. Б.: КРСУ, 2017. Т. 17. №4. С. 164-169. 24
8. Толковый словарь арабского языка. URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D8%A5%D9%8A%D9%85%D8%A7%D9%86/> (Дата обращения: 7.08.2024) 23
9. *Хашимов Р. И., Сотникова Е. А.* Этноязыковые контакты и заимствование. М.: Флинта, 2021. 224 с. 12
10. *Чинлода М. С.* Тропеические средства образности и выразительности в русском и арабском языках»: дисс. ... канд. филол. наук. Б., 2023. 191 с. 21

УДК:338.21/22(=951.1) (5754/475)

Шисыр Исхар Сувазович, д. филол.н, профессор, ИИАиЭ им.Б.Джамгерчинова
Апаева Софья Хусеиновна, к. филол.н., профессор, КНУ им. Ж. Баласагына;
Касымова Малика Максудовна, м.н.с. ИИАиЭ им.Б.Джамгерчинова.
СУБСТРАТ РЕАЛЬНОСТИ В МИФЕ О ВЕЛИКОМ ГЕРОЕ ЮЕ
(в контексте источников из древней китайской литературы)

Шисыр Исхар Сувазович, филология илимдеринин доктору, профессор,
 Б.Жамгерчинов атындагы Тарых, археология жана этнология институту
Апаева София Хусейновна, филология илимдеринин кандидаты, профессор,
 Ж.Баласагын атындагы КУУ;
Касымова Малика Максудовна, Б.Жамгерчинов атындагы
 Тарых, археология жана этнология институтунун кенже илимий кызматкери.
УЛУУ БААТЫР ЮЕ ЖӨНҮНДӨ МИФТЕГИ ЧЫНДЫКТЫН СУБСТРАТЫ
(байыркы кытай адабиятынын булактарынын контекстинде)

Shisyr Iskhar Suvazovich, Doctor of Philological Sciences, Professor,
 B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology, and Ethnology;
Apaeva Sofya Khuseinovna, Candidate of Philological Sciences, Professor,
 Zh. Balasagyn Kyrgyz National University

**Kasymova Malika Maksudovna, Junior Researcher,
B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archaeology, and Ethnology
THE SUBSTRATE OF REALITY IN THE MYTH OF THE GREAT HERO YU
(in the context of sources from ancient chinese literature)**

Аннотация. Бул баяндамада биз сиздерди Кытайдын эң байыркы адабий эстеликтеринде жазылган суу ташкыны жөнүндөгү мифтин негизги варианттары менен тааныштырууну улантуудабыз. Байыркы кытай мифологиясындагы суу ташкыны жөнүндөгү окуялар эл арасында дайыма популярдуу болуп келген. Бул факт алардын сакталышына жана кайра каттоосуна өбөлгө түзгөн. «Суу ташкыны, мифология жана Гун» аттуу биринчи докладда биз маданий баатыр Гундун Асман империясындагы табигый кырсыкты ооздуктоодогу күрөшү, азап чегүүсү жана трагедиясы жөнүндө айтып бердик. Бул докладда биз белгилүү табигый кырсыктарга каршы күрөштө Гундун уулу Юйнун жеңишине басым жасадык.

Негизги сөздөр: миф, чындык, булак, ой жүгүртүү, образ, маданий баатыр, изилдөө, идеалдаштыруу, мүнөз.

Аннотация. В настоящем докладе мы продолжаем знакомить вас с основными вариантами мифа о потопе, зафиксированном в древнейших литературных памятниках Китая. Сюжеты о потопе из древней китайской мифологии во все времена были популярны в народе. Этот факт способствовал как их сохранению, так и переоформлению. В первом сообщении «Потоп, мифология и Гунь»¹ мы поведали о борьбе, страдании и трагедии культурного героя Гуня в обуздании стихийного бедствия в Поднебесной. В этом докладе мы сконцентрировали внимание на победе Юя, сына Гуня, в борьбе с известными стихийными бедствиями.

Ключевые слова: миф, действительность, источник, отражение, образ, культурный герой, исследование, идеализация, характер.

Annotation. In this report, we continue to acquaint you with the main variants of the myth of the flood recorded in the most ancient literary monuments of China. Stories about the flood from ancient Chinese mythology have always been popular among the people. This fact contributed to both their preservation and re-registration. In the first report, “The Flood, Mythology and Gun”, we told about the struggle, suffering and tragedy of the cultural hero Gun in curbing a natural disaster in the Celestial Empire. In this report, we focused on the victory of Yu, the son of Gun, in the fight against the same natural disasters.

Keywords: myth, reality, source, reflection, image, cultural hero, research, idealization, character.

В устной традиции нашей культурной ойкумены бытуют разные варианты сюжетов о всемирном потопе. Сведения об общечеловеческой трагедии широко распространены в мифологических представлениях многих народов мира, в древнейших литературных памятниках и религиозных текстах. Например, в шумерской литературе: «Эпосе о Гильгамеше», в собрании священных текстов зороастрийцев: «Авесте», в священной книге индейцев племени Киче из Гватемалы, в Библии, в Коране и т.д.

В устных традициях народов о потопе, при всей локальной особенности в воспроизведении этого стихийного бедствия, есть общее – это отражение реального катастро-

фического события. Как правило, такое происшествие происходило в конкретном месте, в уже исторические времена и в качестве ниспосланного Небом кары человечеству за содеянное зло на Земле.

В устной традиции древнего Китая в достаточном количестве также бытуют такие же трагические сюжеты о волнении водной стихии. Природные изменения, происшедшие тогда на планете Земля, вызывали наводнения повсюду. Древние хроники истории прошлого Китая пестрят многочисленными сведениями о стихийных бедствиях, которые причиняли колоссальный ущерб окружающей среде. Не случайно в известных надписях на костях иероглиф, призванный

¹Шисыр И.С. Потоп, мифология и Гунь // «Манас ааламы»: научный журнал манасоведения и фольклористики. – 2017. – №4. – С.96–102.

обозначать понятие “прежде”, изображался в виде символа с солнцем и бурлящими волнами снизу [13, с.165].

Сюжеты о потопе встречаются во многих древних китайских источниках: “Мэн-цзы” («Мэн-цзы»), “Шуцзин цзижуань” (“Книга преданий”), “Мао-цзы” (“Мао-цзы”), “Шань хай цзин” (“Каталоге гор и морей”), “Тянь вэнь” (“Вопросы Небу”) и т.д. Правда, все известные сведения представляют собой небольшие сюжеты, мотивы, отрывки, переказы и т.д. В древнекитайских источниках, как правило, такие фрагментарные эпизоды включены в сочинения для доказательства, какого-либо определенного локального философского, политического, этического положения.

Таким образом, потоп в Древнем Китае приходится изучать по известным фрагментарным отрывкам из многочисленных трудов. Естественно, во время анализа неоднозначных, противоречивых и фрагментарных материалов мы вынуждены были прибегнуть к сравнительно-типологическому методу изучения зафиксированных источников. Такой метод изучения все-таки оставляет шанс обнаружить под позднейшими наслоениями, во-первых, некоторые фрагменты мифов, во-вторых, сами мифологические комплексы и, в-третьих, различные пласты мифологических воззрений о великом потопе.

В сущности, сама мифология перманентно бытовала на пути развития человека от первичных форм коллектива до образования государства. В этом контексте она сопровождала человека от самых примитивных представлений до расчленения синкретизма. По этой простой причине мифологические материалы нарративного характера должны отбираться, систематизироваться и переосмысляться за счет признания всех существующих адекватных интерпретаций.

Великий потоп в древнем Китае произошел во времена правления мифических правителей Яо и Шуня², если исходить из предположений историографов, в XXIII век до н.э. В «Ши цзи» Сыма Цяня, в главе «Ся

бэнь цзи» («Основные записи [о деяниях дома Ся]»), есть следующие выдержки: а) «Послушал Яо своих помощников и поручил Гуню обуздание вод. Прошло девять лет, но наводнение не утихло, и усилия [Гуня] не увенчались успехом» [8, т.1, с.150]; б) «Юя огорчало, что его предшественник – [родной] отец Гунь не добился успеха [в обуздании вод] и был наказан, поэтому он упорно трудился и напряженно обдумывал [поручение ему]. Тринадцать лет [Юй] жил вне дома и даже проходя мимо ворот своего дома, не смел заходить в него» [8, т.1, с.151]; Таким образом, как показывают факты, в общей сложности потоп длился в Поднебесной двадцать два года.

В другой версии потоп соотнесен со временем, когда мир еще не был устроен, как сказано в трактате “Мэн-цзы”: «Во времена Яо, когда Поднебесная еще не была приведена в порядок, огромные потоки воды текли повсюду, наполняя Поднебесную; произрастала густая растительность; водилось множество зверей и птиц; пять видов хлебных злаков еще не выращивались. Звери и птицы теснили людей. Следы зверей и птиц были видны на всех дорогах Срединного государства. Яо был очень озабочен этим. Он избрал Шуня, поручив (ему) навести порядок. Шунь поручил И ведать огнем, И пустил огонь по горам и болотам и поджег (растительность). Звери и птицы разбежались и спрятались» [4, с.238].

В “Каталоге гор и морей” потоп соотнесен вообще с началом мира, т.е. он трактуется как событие космического плана. В этом случае сама версия потопы несколько близка по своему характеру изложения к фольклорному источнику, который характеризуется наличием в тексте сказочно-мифологических элементов. Естественно, великий потоп излагается в известном, примитивном и своеобразном лапидарном стиле: «Воды потопы разлились до небес. Гунь не дождался приказа Предка и похитил саморастущую землю, чтобы преградить [путь] водам потопы. || Приказал тогда предок Заклинающему огонь казнить Гуня у Крыло-[горы]. Гунь воскрес и

²Яо – легендарный китайский император, якобы правивший в 2357–2258 г.г. до н.э. Шунь – один из трех легендарных императоров древности, по преданию правивший в 2255 – 2208 г.г. до н.э. Время правления Яо и Шуня конфуцианцы представляли как «золотой век» китайской истории.

родил Юя. Повелел тогда Предок Юю закончить устройство земли, чтобы учредить Девять областей» [10, с.129].

В сочинении «Шу цзин цзижуань» («Книга преданий») фрагменты мифа о борцах со стихией, то есть Гуне и Юе, вводятся в повествование о Яо и Шуне, вокруг которых собираются почти все сюжеты и герои в конфуцианской традиции. В этом повествовании правителю Шуню природное бедствие, которое разразилось на Земле, не давало покоя долгое время. Великий Шунь не знал, как можно избавить народ от разразившегося бедствия. По этой причине он обращается к князьям четырех гор «Сьюэ» (букв. «четыре горы»)³ с вопросом: «О [главы] четырех гор! Бурлят и пенятся разлившиеся воды, и разрушают все вокруг, окружают горы, заливают холмы и поднимаются до небес, и тяжело стонут внизу люди. Есть ли такой, кто смог бы остановить их (воды потопа)?» [14, с.150].

Однако только один Гунь из числа божеств, прибывших по зову Шуня на Небеса, испытывал глубокую жалость к страданиям людей на Земле. В «Шу цзин цзижуань» говорится о том, что на вопрос Шуня все удельные князья ответили следующим образом: «О, это Гунь!». И сказал правитель: «О, он преступен! Он разрушает род, он отвергает повеления». И сказали [главы] гор: «О, [он], выдающийся. Испытай [его]! Сможет [действовать], используй». И сказал правитель: «Иди, достойный муж». И трудился девять лет Гунь и не имел успеха» [14, с.150]. За этим неуспехом следует примерное наказание

Гуня владыкой Яо⁴ в числе четырех величайших злодеев Поднебесной⁵. В «Шань хэй цзин» сказано: «|| Приказал тогда предок⁶ Заклинающему огонь казнить Гуня у Крыло-[горы]» [10, с.129]. Правда, в почитаемой китайской ортодоксальной традицией книге «Шу цзин», или «Шан шу» («Книга истории, или книга документов») сообщается, что «в давние времена Гунь преградил путь водам потопа, чем привел в хаос пять [движущих] начал⁷. Тогда небесный владыка сильно разгневался и не пожаловал ему Великого закона в девяти разделах, из-за чего этические нормы и правила взаимоотношений пришли в упадок. В итоге Гунь умер в ссылке⁸, а [его сын] Юй продолжил [дело отца] и успешно закончил [борьбу с наводнением]» [11, с.104]. А у древнекитайского философа Ян Чжу, жившего примерно между 414–334 гг. до н.э., в присоединенной к трактату «Ле-цзы» главе «Ян Чжу» есть свое описание жизни Гуня: «Гунь приводил в порядок воды и землю. [Его тяжелый] труд не увенчался успехом, и он был пожизненно сослан на гору Юйшань» [15, с. 219].

После казни на Крыло-горе, если исходить из версии «Шань хэй цзин», душа Гуня три года не покидала его тело. По этой причине останки Гуня не желали подвергнуться разложению. Владыка из-за большой боязни, что Гунь может превратиться в оборотня, послал гонца изрубить его тело на куски. Однако на Крыло-горе, когда посланец волшебным мечом «у дао»⁹ вспорол живот Гуню, произошло очередное чудо. Из живота Гуня

³ Удельные князья четырех гор «Сьюэ» (букв. "четыре горы", "четыре пика") – возможно, члены совета старейшин, с которыми совещаются древние вожди.

⁴ Некоторые считают, что Гуня казнил Шунь. См.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Наука, 1987. – С. 165.

⁵ Шунь наказал Гуня в числе четырех других величайших злодеев Поднебесной: «И сослал [Шунь] Бога Разливов (Гунгуна) в Страну Мрака, и удалил Хуаньтоу на гору Чун и прогнал Трех Мiao к горе Трех Опасностей» [14, с.150].

⁶ В «Цзо чжуань», «Хань Фэй-цзы» и «Хуайнань-цзы» героем, покаравшим Гуня, считается Яо, в «Шу цзин цзижуань», «Мэнь-цзы», «Люй-ши чунь-чю» и «Ши Цзи» – Шунь, а в «Шань хэй цзин», «Го юй» и «Тянь взнь» Цюй Юаня наказание осуществляет владыка («ди»), т. е. само Небо.

⁷ Первое начало – вода, второе – огонь, третье – дерево, четвертое – металл и пятое – земля. [Постоянная природа] воды – быть мокрой и течь вниз; огня – гореть и подниматься вверх; дерева – [поддаваться] сгибанию и выпрямлению; металла – подчиняться [внешнему воздействию] и изменяться; [природа] земли проявляется в том, что она принимает посев и дает урожай [11, с.104].

⁸ Слово «цзи» может означать «казнь» или «сослать пожизненно». В первобытном обществе изгнание было самым жестоким видом наказания, равносильным смертному приговору. В большинстве фрагментов мифа о Гуне это слово употребляется в одном из этих значений.

⁹ В варианте памятника «Люй-ши чунь-чю» Гуня на Крыло-горе изрубили узким клинком. Изготовленный в царстве У меч всегда славился во всем Китае.

появляется дракон – Юй – с парой «крепких, острых рогов. Он винтом взвился вверх», а несчастное тело Гуня превратилось в «какое-то животное, которое уплыло в Юйюань – Пучину птичьих перьев, находящуюся около горы» [13, с. 169]. «Можно предположить, что это образ, – как считал академик РАН Б.Л. Рифтин, – более древний, включенный в мифолого-легендарную генеалогию позднее других; не исключено, что образ Гуня сложился в иной этнической среде (племени юэ) и был присоединен позднее к общекитайской мифологической системе либо что параллельно с представлениями о зооантропоморфных божественных первопредках у китайцев могла существовать и вера в зооморфных героев или героев с преобладанием животных черт» [7, с.115].

Отныне Юй, который родился с парой «крепких, острых рогов», приступил к обузданию наводнения на Земле. Владыка Шунь, правивший после владыки Яо, приказал усмирить наводнение Юю. Молодой Юй, помня неудачу отца, не возводил дамб, а начал рыть каналы. Конечно, Юя сильно огорчало, что его отец не добился успеха и был наказан. Однако он не испугался неудачи Гуня. Юй напряженно обдумывал порученное ему дело. Все его помыслы были направлены на то, чтобы как можно лучше завершить порученное ему Шунем дело. Юй «обладал чудесной силой, и все его помыслы были направлены на то, чтобы завершить дело отца» [13, с.169]. В главе «Тэн Вэнь-гун» из «Мэн-цзы» есть такие строки: «Юй привел в порядок девять рек, расчистил русла рек Цзи и Та и направил их в море. (Он) открыл путь рекам Жу и Хань, привел в порядок течение рек Хуай и Сы и направил их в Янцзыцзян. И тогда в Срединном государстве стало возможно (обрабатывать землю) и этим кормиться» [4, с.238].

По конфуцианской философской трактовке, Юй верно служил Небу, крайне почтительно относился к небесным духам. Естественно, на Небе к просьбам Юя также относились уважительно. В конце концов, Верховный владыка отдал ему сижан¹⁰ и

послал на помощь дракона Инлуна, прославившегося тем, что одолел ненавистного Небу Чию. Конфуций в “Лунь юй” (“Беседы и высказывания”) сказал: “О как велики были Шунь и Юй, владея Поднебесной, они не считали ее своей” [4, с. с.238]. В “Шуцзин” есть строки, которые следует считать яркими подтверждениями конфуцианских взглядов на события: «В итоге Гунь умер в ссылке, а [его сын] Юй продолжил [дело отца] и успешно закончил [борьбу с наводнением]. И тогда небо ниспослало Юю Великий закон в девяти разделах, которым устанавливался порядок в этических нормах [поведения каждого человека] и в правилах между людьми” [4, с. с.238].

Юй в повседневных деяниях сумел учесть ошибки своего предшественника Гуня, которые являются нарушением закона Великого Неба, то есть незыблемой системы существования государства в Поднебесной. Юй сумел победить в себе бунтарские морали Гуня, исходя из конфуцианской концепции укрепления государства “Верха”. Естественно, герою Юю это помогло обуздать великий потоп. В данном случае великий потоп является наказанием Великого Неба за все разрушения системы конфуцианской власти в Поднебесной.

Представители школы моистов, несколько враждебно настроенные к конфуцианской концепции по обустройству государства, по-своему трактовали события: «В прошлом совершенномудрые правители Юй, Тан, Вэнь, У – все питали всеобщую любовь к людям стародов Поднебесной, придерживались почитания неба и служения духам. Они принесли людям много пользы. Поэтому небо осчастливило их, сделало их сынами неба, все правители царств почтительно служили им» [6, с. 180-181]. Китайский историк Сыма Цянь, потомственный историограф династии Хань, писатель, астроном, живший в 145 или ок. 135 г. до н. э., умер ок. 86 г. до н. э., близкий к трактовке образа Юя в философии моистов, в “Исторических записках” писал: «[Яо] сумел проявить добродетели, ведущие [людей] к повиновению, и с их помощью сблизил

¹⁰Сижан – кусочек волшебной глины. Из этого маленького кусочка выросли горы и дамбы. Сижан, как самая большая драгоценность, хранился в тайном и недоступном месте у небесного правителя и охранялся свирепыми духами.

[все] девять поколений¹¹. [Когда] среди девяти поколений установилось согласие, [он] навел порядок среди байсинов¹² и просветил их. [Когда] байсины просветились, [он] объединил и привел к согласию десять тысяч владений¹³» [8, т.1, с.137]. В этом контексте Сыма Цянь, пожалуй, даже с большей определенностью подчеркивал в образе Юя некоторые черты культурного героя.

Вообще, в большей части древних источников ключевое содержание мифа о страшном наводнении связано с созиданиями Юя. В настоящем случае факт свидетельствует о том, что в основе большинства вариантов мифа о потопе лежит широко распространенная в Китае история о Юе, то есть его борьбе со стихийным бедствием. Героя Юя большинство из современных авторов (А. Масперо, М. Гранэ, Юань Кэ, Е.М. Мелетинский, Б.Л. Рифтин, Я.М. Яншина, В.В. Евсюков и др.) относит однозначно к космогоническому кругу героев. Как правило, такие «мифы о героях, устроителях мира, побеждающих стихийные бедствия природы и преодолевающих их, вводящих порядок и уничтожающих хаос (первичный или вторичный), достаточно архаичны и могут быть соотнесены с временами, когда род и племя выступали единым производственным коллективом. Мифы о Великом Юе должны быть отнесены к космогоническим мифам, действие в которых приурочивается ко временам претворений» [14, с. 151].

Герой Юй с Инлуном, а также с другими большими и малыми драконами, спустился на землю, чтобы вести борьбу с наводнением. «Драконы должны были прокладывать путь воде: Инлун прокладывал путь главному потоку, остальные драконы – боковым» [13, с. 170]. В «Книге преданий», в которой главное содержание сюжета о потопе составляют деяния Юя, сказано: «Я пользовался четырьмя [способами] передвижения; проходя по

горам, я вырубал [на них] деревья; вместе с И [я] учил народ добывать себе в пищу свежее мясо; прорубил [проложил] русла девяти рек и отвел их воды в четыре моря; [я] углубил каналы и отвел их в реки, и вместе с Владычествующим над Просом (Цзи) учил народ сеять злаки, чтобы дополнить их в пищу к свежему мясу; я беспокоился о том, чтобы меняли они то, чего у них есть, на то, чего у них нет; и имел народ пропитание, пришли в порядок царства» [14, с. 150].

Юй в процессе борьбы со стихийным бедствием, во-первых, проложил русла рек, урегулировал их течения, отвел их воды в моря, во-вторых, устроил всю землю, в-третьих, создал горы, в-четвертых, дал названия растениям, животным и духам. В этой ипостаси Юй однозначно относится к героям архаических космогонических мифов, которые по обыкновению считаются устроителями культурной ойкумены, побеждающими стихийные силы природы и уничтожающими хаос на земле. «Тринадцать лет [Юй] жил вне дома и, даже проходя мимо ворот своего дома, не смел заходить в него». [Около Юя] слева [всегда находились] уровень и веревка, справа – циркуль угольник. [Юй] вел записи четырех сезонов года. Так Юй создал девять областей, проложил девять дорог, оградил [насыпями] девять озер и измерил девять горных хребтов¹⁴.

Сыма Цянь в труде «Ши цзи» («Исторические записки») говорил также об аскетическом образе жизни Юя, подчеркивая о его роли культурного героя в мифологии древнего Китая. Историк писал: «[Юй] одевался скромно, ел просто, [но зато] с крайней почтительностью относился к духам людей и небесным духам. Живя [сам] в бедном жилище, [он] ничего не жалел для устройства каналов и рвов. По суше [Юй] ездил в повозке, по воде передвигался на лодке, по грязным местам

¹¹Под девятью поколениями имеются в виду девять колён родства от прапрадеда – гао цзу до праправнука – суань суня.

¹²Сыма Цянь в своем сочинении обычно противопоставляет друг другу “все знатные” – байсин” и “простой народ” – чжужун.

¹³Затем [он] повелел Си и Хэ почтительно следовать [законом] Великого Неба, исчислять [движение] солнца, лкны, звезд и созвездий и со старанием сообщать народу о сроках [работ]. [Он] повелел Си–чжуну поселиться в Юйи, [в месте], называемом Янгу, [чтобы] оттуда с почтением сообщать о появлении солнца и регулировать ход весенних работ, а в день весеннего равноденствия по звезде Няо определять второй месяц весны. В это время народ разделялся, птицы откладывали яйца, у животных происходила случка”

¹⁴Число “девять” в данном контексте, по-видимому, может рассматриваться как выражение множественности и переводиться как “все”.

ходил с помощью мокроступов *цуй*¹⁵, по горам ходил в обуви с шипами» [8, т.1, с.151]. Ян Чжу (жил примерно между 414–334 гг. до н.э.) в присоединенной к трактату “Ле-цзы” главе “Ян Чжу” как бы вторит Сыма Цаню в описании жизни Юя: «Юй продолжал дело [отца] и служил [своему] врагу. Он трудился только на не возделывающейся ранее земле, родившемуся сыну не дал имени, а проходя мимо ворот [своего дома], не заходил туда. Его тело наполовину высохло, а руки и ноги покрылись мозолями. Когда он получил [престол], который уступил ему Шунь, то, [хотя у него и были] прекрасная печать и корона, он жил в жалкой лачуге и в скорби и в печали пришел к своей смерти. Его судьба была самой печальной и горькой из [судеб] всех людей!» [15 с. 219].

На самом деле, Юй верой и правдой служил Шуню, который сослал и казнил его отца. Юй настолько был поглощен порученной ему службой, что даже не нашел времени для совершения столь важного ритуала, как выбор имени сыну или краткого свидания с семьей. В этом заключается роль мифологического героя Юя во услужении государству во имя народа.

Таким образом, герой древней китайской мифологии Юй, как показывают его созидательные деяния, представляет собой собирательный образ героического покорителя природы. Он по своему положению полноценно воплощал лучшие черты древнего человека, призванного помочь соплеменникам выжить в самые сложные ситуации. Миф о Юе как устроителе земли отчетливо прослеживается в даосском памятнике «Чжуан-цзы»: «В прошлом Юй преградил [путь] разливу вод и отвел [в море] воды Янцзы-цзян и Хуанхэ. Таким образом, он восстановил сообщение со странами четырех варварских племен и со всеми девятью областями [Китая]. [Он урегулировал] триста знаменитых рек, три тысячи притоков и бесчисленное количество малых рек и речушек. Юй собственноручно таскал корзины с землей и работал заступом, пока не соединил всех рек Поднебесной, [открыв их водам путь к морю]. [От изнурительного труда] мясо ис-

чезло с его икр и стерлись волосы на коленях. Проливные дожди омывали его тело, ураганные ветры причесывали волосы [на его голове], но он установил спокойствие в тьме государств. Великим и совершенным был Юй, если свое тело [довел] до такого состояния, трудясь ради Поднебесной» [9, с. 286-287].

В известных мифах из древнекитайских памятников зафиксирован факт, что после умирения потопа правители всех стран стали уважать Юя за великий подвиг. Владыка Шунь за обуздание природной стихии предложил Юю ни много ни мало должность соправителя на Небе. В близком к “Ся бэнь цзи” – основным записям о [деяниях дома] Ся” повествовании – «Книга преданий», о Юе также говорится: «И спросил Шунь: “О [главы] четырех гор! Есть ли такой, кто мог бы, проявив рвение, понести бремя лучезарного правителя? Кому можно поручить все дела, кто мог бы проявить ясность [ума] в выборе и [суметь] воздать за заслуги?” И сказали все: “Дядя Юй! [Он] управляет работами”. И изрек правитель: “О Юй, ты привел в порядок воды (реки) и земли! Прояви же и сейчас свое рвение!”» [14, с. 150-151]. В “Ши цзи” (“Исторических записках”) Сыма Цаня об этом периоде жизни Юя говорится: «Император Шунь представил Юя Небу как своего преемника. Через семнадцать император Шунь скончался. По окончании трехгодичного траура Юй отказался от власти в пользу сына Шуня Шан-цзюня и удалился в Янчэн. [Однако] все владетельные князья в Поднебесной покинули Шанюцзюня и стали являться на прием к Юю. Тогда Юй вступил на престол Сына Неба и, обратившись лицом к югу, стал управлять Поднебесной. Государство назвал Сяхоу и принял фамилию Сы-ши» [8, т.1, с. 162]. В древнекитайской мифологии есть сведения о том, что правление Юя, исходя из традиционной китайской хронологии, относится к 2205 – 2197 гг. до н.э. В итоге, Юй становится основателем династии Ся (2205–1783 гг. до н.э.).

Итак, Юй сумел выполнить задачу, связанную с обузданием водной стихии, разразившейся в Поднебесной. Этой победой над

¹⁵ Второе название известной еще в танское время обуви – *цяо*. Простые деревянные дощечки, либо лоткообразная обувь, в которой перебирались через тонкие, грязные места. Отталкиваясь то одной ногой, то другой, человек как на лыжах скользил по топи.

потопом Юй завершает то деяние, над которым трудился некогда его отец Гунь. Гунь потерпел трагическую неудачу, хотя ему были предоставлены такие же широкие полномочия. Великий поэт Цюй Юань в поэме «Тянь вэнь» («Вопросы к Небу») спрашивает:

Стремился Гунь, но не сумел
Смирить потоки!.. Почему
Великий опыт повторить
Мешали все-таки ему?

Ведь черепаха-великан
И совы ведьмовской игрой
Труд Гуня рушили!.. За что
Казнен владыкою герой?

О Гунь!.. Где горы перешел?
Ведь скал отвесы, что ни шаг!
Как был он магом оживлен?
В медведя обращен, – но как?

Для проса черного и то
Расчистить надо поле впрок!..
За что ж был так унижен Гунь
И бревна он таскал в поток?

В горах Юйшаньских заточен,
Томясь, три года ждал суда...
Иль не был сыном Гуня – Юй?
Что ж Юйя обошла беда?

Над воспринявшим труд отца –
Гром вечной славы за двоих!..
Но в чем различие, ответь,
Меж способами действий их? [12].
Перевод А. Адалис

История Гуня и Юя все-таки позволяет нам говорить о том, что перед нами существовали некогда два самостоятельных варианта сказания о великом потопе. По большей части, они были созданы, как показывает характер отношения героев к реальной действительности, в разные эпохи. На самом деле, миф о борьбе героя с богом и наказании его заслушание его воли и миф о борьбе героя с природой, устройении им мира принадлежат к различным историческим эпохам. На самом деле, их социально-историческая основа неодинакова.

Видимо, Гунь и Юй не всегда объединялись в одном сюжете как отец и сын, и гене-

тические корни их культов могли быть не одинаковыми. “Дошедшие до нас известия позволяют предполагать контаминацию нескольких мотивов о потопе в ходе циклизации в рамках общекитайского свода. Мифы, по-видимому, принадлежали различным племенам или этническим традициям и, возможно, входили во взаимодействие еще в архаическую эпоху при контактах различных этнокультурных общностей, населявших территорию Китая” [14, с. 162].

Хотя оба сюжета, как показывает характер отношения к действительности, восходят к мифологической традиции. На самом деле, обе истории были сложены исходя из мифологической художественной концепции в создании основных героев. Можно предположить, что в устной мифологической традиции обе истории имели возможности переплетаться на различных этапах бытования. В конце концов, на определенном этапе бытования известных мифов герои начинают сближаться по воле пересказчиков в угоду социальной действительности.

На очередном этапе развития мифологии два героя, связанные с сюжетом потопа, объединяются в общих деяниях, и появляется версия о рождении Юя Гунем. Не исключено, что они на каком-то этапе истории сосуществовали как два самостоятельных героя различных родовых традиций, борющихся отдельно со стихийными напастями в Поднебесной. По прошествии времени, в процессе слияния родовых (племенных) ритуалов, два самостоятельных героя могли быть объединены на правах отца и сына, поделив между собой приписываемые им деяния. Собственно, примеров такого объединения в китайской мифологии можно встретить достаточно часто.

Известный французский исследователь культуры Китая М. Гранэ вообще рассматривал Гуня в связи с космогоническими мифами. М. Гранэ, применивший социологические методы к изучению истории и культуры Китая, связывал Гуня главным образом с мотивом его изгнания на один из концов света. В мотиве растерзания Гуня он видел следы обрядов, направленных на обновление времени-пространства [1, с. с. 245]. К такому выводу пришел М. Гранэ в процессе реконструирования социальной жизни древнего

Китая на основе мифов, ритуалов, обрядов.

На самом деле, нельзя рассматривать описываемое наводнение в древнем Китае однозначно как отражение великого потопа чисто природного характера в мифологии многих народов. Все отраженные в древних памятниках Китая мотивы носит наивно-рационалистический характер передачи о на-

чале мира, его организации, преодолении хаоса и установлении порядка в завоевываемом у природы пространстве. Соответственно, на начальном этапе освоения природы уже существовавшие разливы водоемов служили неодолимыми препятствиями для деяния еще слабого человека. В борьбе с дикой природой человек завоевывает необходимое пространство для своего существования.

Литература:

1. Granet M. Danses et legends de l'ancienne Chine (Танцы и легенды древнего Китая). – Р., 1926.
2. Деопик Д.В. Элементы южной традиции в китайском мифе // Третья научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. – Вып. 1. – М., 1972. – С. 208–217
3. Каталог гор и морей. Пред., перев. и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.
4. Мэн-цзы // Древнекитайская философия: в 2-х томах. – М. Мысль, 1972. – С. 225 – 247.
5. Лунь юй // Древнекитайская философия. Собр. соч. в дв. томах. – М. Мысль, 1972. – С. 139–175.
6. Мо-цзы // Древнекитайская философия. Собр. соч. в дв. томах. – М. Мысль, 1972. – С. 175–201.
7. Рифтин Б.Л. От мифа к роману. Эволюция изображения в китайской литературе. – М.: Наука, 1979. – 360 с.
8. Сыма Цянь Исторические записки ("Ши цзи"). – М., Наука, 1972. – Т.1. – 439 с.
9. Чжуан-цзы // Древнекитайская философия: в 2-х томах. – М. Мысль, 1972. – С. 248 – 295.
10. Шань хай цзин (Каталог гор и морей)/Пред., перев. и коммент. Э.М. Яншиной. – М.: Наука, 1977. – 235 с.
11. Шу цзин // Древнекитайская философия. Собр. соч. в дв. томах. – М. Мысль, 1972. – С. 100–113.
12. Цюй Юань Стихи / Пер. с кит. А. Ахматовой, А. Гитовича, Л. Эйдлина и др. – М.: Художественная литература, 1956. – 304 с.
13. Юань Кэ Мифы древнего Китая / Пер. с кит. Е.И. Лубо-Лесниченко, Е.В. Пузицкого и В.Ф. Сорокина. – М.: Наука, 1987. – 527 с.
14. Яншина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. – М.: Наука, 1984. – 248 с.
15. Ян Чжу // Древнекитайская философия. Собр. соч. в дв. томах. – М. Мысль, 1972. – С. 212–224.

УДК: 316.42(575.2)(04)

Асантурова Т., к.и.н., доцент

КНУ им. Ж.Баласагына Институт истории и регионоведения

**ОБРАЗОВАНИЕ АССАМБЛЕИ НАРОДА КЫРГЫЗСТАНА
И ЕЕ РОЛЬ В КОНСОЛИДАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА**

Асантурова Т., т.и.к., доцент

Ж.Баласагын атындагы КУУ Тарых жана чөлкөм таануу институту

**КЫРГЫЗСТАН ЭЛИНИН АССАМБЛЕЯСЫНЫН ТҮЗҮЛҮШҮ ЖАНА АНЫН КӨП УЛУТТУУ
КООМДУ КОНСОЛИДАЦИЯЛООДУҢ РОЛУ**

Asanturova T. Ph.D., Associate Professor

KNU named after Zh. Balasagyn Institute of History and Regional Studies

**THE FORMATION OF THE ASSEMBLY OF THE PEOPLE OF KYRGYZSTAN AND ITS ROLE IN
CONSOLIDATING A MULTIETHNIC SOCIETY**